

Отец за сына, сын за отца

О творческой ответственности династии Коршуновых

В одной из последних премьер Малого театра — «Король Густав Васа» Стриндберга — играют три поколения Коршуновых. Виктор Иванович — известнейший артист театра и кино, директор Малого театра; его сын — Александр, замечательный артист и режиссер; сын Александра — Степан, в нынешнем году закончивший Щепкинское училище и принятый в труппу Малого театра.

И возникла мысль поговорить о современной театральной династии. Тем более что поводы к такой встрече самые серьезные — 26 октября торжественно отмечалось 175-летие Малого театра, а 24 ноября — юбилей Виктора Ивановича Коршунова.

Виктор Иванович

— С чего начиналась для вас профессия?

— Семья у меня была простая, никто и не знал, что это за профессия. Пойти в театр — это был праздник, семьей очень редко удавалось, в основном — с классом. В частности, одной из наград в школьные годы были билеты в Малый театр на спектакль «Правда хорошо, а счастье лучше». Очень понравилось. Вскоре после этого мы с друзьями зашли в Дзержинский дом пионеров — там был театральный кружок, который вела отличная актриса ТЮЗа Варвара Ивановна Стручкова. Там я постепенно и приобщился к подмосткам. Время было военное, мы делали программы и много выступали в госпиталях. Перед выступлениями помогали постели поправлять, переносить раненых, перебинтовывали как умели. Иногда писали письма, что-то рассказывали — мы были нужны и как актеры, и просто как дети. Вот это ощущение твоей необходимости людям очень будоражило: ты делаешь что-то очень важное. Ты играешь, а у людей рождается радость, слезы... И возникло ощущение, что актер — не просто профессия, а некое соединение человеческих качеств и того, что тебе богом дано. Удивительная, замечательная профессия. Я стал интересоваться, и узнал, что есть несколько театральных институтов, в частности, школа-студия МХАТ. Мой папа был знаком с некоторыми артистами МХАТа. Он попросил Василия Александровича Орлова послушать меня — стоит ли мне пробовать поступать? После этого мы стали на всю жизнь друзьями. Я учился в школе-студии МХАТ. Однако мой педагог, Александр Михайлович Карев, в моменты моей повышенной эмоциональности говорил: «Ну вот, опять начинает... ты что, в Малый театр собрался?» Так что моя судьба уже тогда стояла на страже. А потом я стал еще и преподавать в Щепкинском училище. Получилось это слу-

чайно, когда меня, молодого актера, всего два года проработавшего в Малом театре, режиссер Леонид Андреевич Волков пригласил поработать с ним. Думал, поработаю и тихо отойду — и вот тихо-тихо преподаю 45 лет. Увлёкся очень, это и человечески, и актерски заставляет как-то подтягиваться. Тем более что рядом были Пашенная, Дикий, Цыганков. А сейчас и мой сын, Саша, работает со мной на курсе. У нас — всех троих — отчетливо выраженное романтическое отношение к роли и к профессии в целом.

— Сегодня это хорошо или плохо?

— Да, я поклонник высоких человеческих устремлений. Ужасно, что это уходит. Мы все должны быть реалистами — не могу я, будучи директором театра, не быть реалистом, но профессия наша предполагает романтизм. В Саше это есть, дай бог, и в Степане проявится. У него есть свое понимание жизни и профессии, свое представление, но есть и некие традиции

— Я мало думал в ранней юности о театре, увлекался рисованием, многие считали, что это и есть мое будущее. Я вообще в театр попал довольно поздно — бывал на елках, которые устраивались «для своих», но на спектакли меня почему-то не водили. Уже в школьные годы помню на сцене бабушку Клавдию Николаевну Еланскую, папу, но, пожалуй, наиболее сильное из ранних театральных впечатлений было телевизионное: по ТВ передавали запись какого-то спектакля Малого театра, в котором папа играл. Я смотрел на него и плакал — от каких-то своих неведомых переживаний, может быть, от сострадания то ли папе, то ли его персонажу. А папа сидел рядом и утешал меня... Задумался я о профессии всерьез уже в старших классах — решил попробовать и поступил в Школу-студию МХАТ. Но очень долго не было у меня уверенности, что я занимаюсь своим делом. И сейчас порой чувствую себя неуверенно.

Помню, когда только за-

Степан Александрович

О нем как об артисте сказать пока нечего — Степан очень обаятелен, органичен. Он как-то естественно и просто вписывается в сложную драматургическую систему «Короля Густава Васа». Они с Александром Викторовичем — по пьесе братья. Здесь, в примерке, они и выглядят как братья — я смотрю не столько на них, сколько на их отражения в зеркалах, чтобы лучше увидеть то, что не демонстрируется: их внимание друг к другу, умение слушать.

— Степан, какие самые ранние впечатления связаны у вас с театром?

— Мне было, наверное, лет семь, меня привели на спектакль «Недоросль». Я впервые увидел на сцене своего отца, а в антракте люди обсуждали спектакль, хвалили — это было очень здорово. Но я ни на минуту не думал о том, что вот и я, может быть, когда-нибудь... Мечтал, как все дети, быть летчиком, космонавтом, рисовал... В общем, все происходило, как и у отца,

Коршуновы на сцене: старший, средний, младший и примкнувшая к ним Н. Корниенко

семьи, — и человеческие, и актерские.

Я благодарен и одному, и другому за разумность, серьезность отношения к жизни, к делу. За достоинство, которое должно быть и есть у них.

Александр Викторович

Актерские работы Александра Викторовича глубоки, серьезны, режиссерские — отличает пристальность взгляда в человека, в чем смысл жизни. Каким же был путь Александра Коршунова в театр?

мыслил «Чудаков» Горького, уже сомневался — меня Степа тогда очень поддержал, мы сидели на кухне, пили чай и обсуждали, и именно он мне сказал: «Начинай». Кто знает, родился бы этот спектакль без наших разговоров? А потом и потребность работать над «Трудовым хлебом» во мне созрела. Мне говорили, что обе эти пьесы — не самые популярные, но не хочется ставить то, что ставят почти во всех театрах. А главное, мне кажется, что обе эти пьесы ко времени, потому что затрагивают круг главных наших проблем.

только с той разницей, что я в конце концов поступил в Щепкинское училище.

— А вы советуетесь с отцом?

— Да, конечно, мы с папой часто обсуждаем свои работы — но надо признаться, он меня не балует в наших обсуждениях. Да и как можно поделиться профессиональными секретами в актерской профессии? Ведь на ушко не напечешь, как сыграть ту или иную роль... Мысль о том, что меня будут сравнивать с дедом, с одной стороны, мешает, а с другой — заставляет подтягиваться.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Отец за сына, сын за отца

О творческой ответственности династии Коршуновых

В одной из последних премьер Малого театра — «Король Густав Васа» Стриндберга — играют три поколения Коршуновых. Виктор Иванович — известный артист театра и кино, директор Малого театра; его сын — Александр, замечательный артист и режиссер; сын Александра — Степан, в нынешнем году закончивший Щепкинское училище и принятый в труппу Малого театра. И возникла мысль поговорить о современной театральной династии. Тем более что повод к такой встрече самые серьезные — 26 октября торжественно отмечалось 175-летие Малого театра, а 24 ноября — юбилей Виктора Ивановича Коршунова.

Виктор Иванович

— С чего начиналась для вас профессия?

— Семья у меня была простая, никто и не знал, что это за профессия. Пойти в театр — это был праздник, семей очень редко удавалось, в основном — с классом. В частности, одной из наград в школьные годы были билеты в Малый театр на спектакль «Правда хорошо, а счастье лучше». Очень понравилось. Вскоре после этого мы с друзьями зашли в Дзержинский дом пионеров — там был театральный кружок, который вела отличная актриса ТЮЗа Варвара Ивановна Стручкова. Там я постепенно и приобщился к подмосткам. Время было военное, мы делали программы и много выступали в госпиталях. Перед выступлениями помогали постели поправлять, переносить раненых, перебинтовывали как умели. Иногда писали письма, что-то рассказывали — мы были нужны и как актеры, и просто как дети. Вот это ощущение твоей необходимости людям очень будоражило: ты делаешь что-то очень важное. Ты играешь, а у людей рождается радость, слезы... И возникло ощущение, что актер — не просто профессия, а некое соединение человеческих качеств и того, что тебе богом дано. Удивительная, замечательная профессия. Я стал интересоваться, и узнал, что есть несколько театральных институтов, в частности, школа-студия МХАТ. Мой папа был знаком с некоторыми артистами МХАТа. Он попросил Василия Александровича Орлова послушать меня — стоит ли мне пробовать поступать? После этого мы стали на всю жизнь друзьями. Я учился в школе-студии МХАТ. Однако мой педагог, Александр Михайлович Карев, в моменты моей повышенной эмоциональности говорил: «Ну вот, опять начинается... ты что, в Малый театр собрался?» Так что моя судьба уже тогда стояла на страже. А потом я стал еще и преподавать в Щепкинском училище. Получилось это слу-

чайно, когда меня, молодого актера, всего два года проработавшего в Малом театре, режиссер Леонид Андреевич Волков пригласил поработать с ним. Думал, поработаю и тихо отойду — и вот тихо-тихо преподаю 45 лет. Увлёкся очень, это и человечески, и актерски заставляет как-то подтягиваться. Тем более что рядом были Пашенная, Дикий, Цыганков. А сейчас и мой сын, Саша, работает со мной на курсе. У нас — всех троих — отчетливо выраженное романтическое отношение к роли и к профессии в целом.

— Сегодня это хорошо или плохо?

— Да, я поклонник высоких человеческих устремлений. Ужасно, что это уходит. Мы все должны быть реалистами — не могу я, будучи директором театра, не быть реалистом, но профессия наша предполагает романтизм. В Саше это есть, дай бог, и в Степане проявится. У него есть свое понимание жизни и профессии, свое представление, но есть и некие традиции

— Я мало думал в ранней юности о театре, увлекался рисованием, многие считали, что это и есть мое будущее. Я вообще в театр попал довольно поздно — бывал на елках, которые устраивались «для своих», но на спектакли меня почему-то не водили. Уже в школьные годы помню на сцене бабушку Клавдию Николаевну Еланскую, папу, но, пожалуй, наиболее сильное из ранних театральных впечатлений было телевизионное: по ТВ передавали запись какого-то спектакля Малого театра, в котором папа играл. Я смотрел на него и плакал — от каких-то своих неведомых переживаний, может быть, от сострадания то ли папе, то ли его персонажу. А папа сидел рядом и утешал меня... Задумался я о профессии всерьез уже в старших классах — решил попробовать и поступил в Школу-студию МХАТ. Но очень долго не было у меня уверенности, что я занимаюсь своим делом. И сейчас порой чувствую себя неуверенно.

Помню, когда только за-

Степан Александрович

О нем как об артисте сказать пока нечего — Степан очень обаятелен, органичен. Он как-то естественно и просто вписывается в сложную драматургическую систему «Короля Густава Васа». Они с Александром Викторовичем — по пьесе братья. Здесь, в примерке, они и выглядят как братья — я смотрю не столько на них, сколько на их отражения в зеркалах, чтобы лучше увидеть то, что не демонстрируется: их внимание друг к другу, умение слушать.

— Степан, какие самые ранние впечатления связаны у вас с театром?

— Мне было, наверное, лет семь, меня привели на спектакль «Недоросль». Я впервые увидел на сцене своего отца, а в антракте люди обсуждали спектакль, хвалили — это было очень здорово. Но я ни на минуту не думал о том, что вот и я, может быть, когда-нибудь... Мечтал, как все дети, быть летчиком, космонавтом, рисовал... В общем, все происходило, как и у отца,

Коршуновы на сцене: старший, средний, младший и примкнувшая к ним Н. Корниенко

семьи, — и человеческие, и актерские.

Я благодарен и одному, и другому за разумность, серьезность отношения к жизни, к делу. За достоинство, которое должно быть и есть у них.

Александр Викторович

Актерские работы Александра Викторовича глубоки, серьезные, режиссерские — отличает пристальность взгляда в человека, в чем смысл жизни. Каким же был путь Александра Коршунова в театр?

мыслил «Чудаков» Горького, уже сомневался — меня Степа тогда очень поддержал, мы сидели на кухне, пили чай и обсуждали, и именно он мне сказал: «Начинай». Кто знает, родился бы этот спектакль без наших разговоров? А потом и потребность работать над «Трудовым хлебом» во мне созрела. Мне говорили, что обе эти пьесы — не самые популярные, но не хочется ставить то, что ставят почти во всех театрах. А главное, мне кажется, что обе эти пьесы ко времени, потому что затрагивают круг главных наших проблем.

только с той разницей, что я в конце концов поступил в Щепкинское училище.

— А вы советуетесь с отцом?

— Да, конечно, мы с папой часто обсуждаем свои работы — но надо признаться, он меня не балует в наших обсуждениях. Да и как можно поделиться профессиональными секретами в актерской профессии? Ведь на ушко не нашепчешь, как сыграть ту или иную роль... Мысль о том, что меня будут сравнивать с дедом, с одной стороны, мешает, а с другой — заставляет подтягиваться.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ